

С. С. Комиссаренко²

ЗАПАДНИКИ И СЛАВЯНОФИЛЫ: СОВРЕМЕННЫЕ КОНТРАПУНКТЫ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ

Возникшая в середине XIX столетия полемика между западниками и славянофилами не теряет своей актуальности и в культурном пространстве современной России. Острота проблемы национально-культурных ориентиров развития страны, географически расположенной на двух континентах и подвергнутой Петром I насильственной вестернизации, сегодня имеет продолжение. Поставленные вопросы так и не разрешили онтологических разногласий: развиваться ли России по западному типу или оставаться верной своей национальной природе? Тектонический сдвиг в умственной жизни России произошел давно, а его последствия ощущаются и сегодня, ибо сама постанов-

ка проблемы является оправданием тревоги за судьбу России.

Полемика зародилась в обществе московско-петербургских литераторов и по существу затронула болезненную тему национально-культурной идентичности. Возникает вопрос: почему в середине XIX века проявилась социальная значимость этой проблемы? Чем связаны искания лучших мыслителей России? Жить локально, изолированно уже не представлялось возможным. Немецкая философия вторгалась в русскую действительность, и русская мысль тесно соприкасалась с западноевропейской. Менялся мир, а с ним — и интеллектуальная жизнь России.

Кризис национальной идентичности связан с тем, что были исчерпаны идеи прошлых лет, несмотря на то что было отведено слишком мало времени для реализации главной идеи России, сформулированной С. С. Уваровым: «Православие, самодержавие, народность». Данная идея отражала внутреннюю стратегию национального развития, но не могла ответить на главный вопрос: способна ли Россия развиваться вне ориентации на Запад или может быть вполне самодостаточной и изолированной по отношению к иным культурам? Ответы на эти вопросы связаны с осмыслением себя в мире через развитие социально-исторической мысли в России. П. Я. Чаадаев первым из русских мыслителей не поставил вопрос, а дал четкий ответ: «У нас

² Профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Формирование личности: концепции, институты, технологии», «Элита российской культуры», «Культурные традиции русского общества», «Клуб как социальное явление» и др.; статей: «Российский этос: социально-культурный дискурс», «Гуманизм как основа диалога культур в эпоху глобализации», «Духовные миры отечественной культуры: модели современных трансформаций», «Мир пушкинского бытия: ценностно-смысловые доминанты», «Проект “новой породы людей” в социокультурных преобразованиях Екатерины II», «Взаимодействие социального и культурного: проблема доминантности», «Современные проблемы связей с общественностью на политическом поле России» и др.

совершенно нет внутреннего развития, естественного прогресса; каждая новая идея бесследно вытесняет старые, потому что она не вытекает из них, а является к нам бог весть откуда... Мы растем, но не созреваем; движемся вперед по кривой линии, то есть по такой, которая не ведет к цели»¹.

П. Я. Чаадаев, доказывая культурную несостоятельность России, первым обнародовал русскую жизнь. Но его взгляды, изложенные в «Философических письмах», уже явились доказательством существования в России различных идей: «Исторический опыт для нас не существует; поколения и века протекали без пользы для нас. <...> Одинокое в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума, и все, что нам досталось от этого прогресса, мы исказили»². Он бросил зерна в разрыхленную почву русской действительности и еще при жизни получил плоды. Первым ему дал ответ А. С. Хомяков (он был одним из тех почвенников, кто связывал национальную идею России с ее прошлым): «Если б мы не жили мощными впечатлениями времен прошедших, мы бы не гордились своим именем, мы бы не смели свергнуть с себя иго монголов, поклонились бы давно власти какого-нибудь Сикста V или Наполеона, признали бы между адом и раем чистилище и, наконец, давно бы обратились уже в ханжей, следующих правилу “нести зла в прегрешении тайном”». Кому нужна такая индульгенция, тот не найдет ее в наших постановлениях Церкви»³.

Постановка проблемы в то время была контрапунктной. Европейцы отказывали русскому народу в культурной состоятельности, тогда как «славянская партия» требовала «именно утверждения за ним громадной политической, творческой и моральной репутации, великой организаторской силы, обнаружившейся в создании Московского государства и открытии таких общественных, семейных и религиозных идеалов существования, каким ничего равносильного не могут противопоставить наши позднейшие и новые порядки жизни»⁴.

Письма Чаадаева обозначили противостояние двух философских течений — западников и славянофилов. Непримируемость их взглядов на прошлое, настоящее и будущее России разделила русскую мысль. При этом напряженность эпохи 1840-х годов не служила проявлением раздвоения самосознания русской культуры — она была результатом этого раздвоенного самосознания национальной культуры. Русские мыслители лишь зафиксировали и оформили в научные идеи то, что являлось реальной практикой русского бытия.

Что касается великого разъединения русской мысли, то оно продолжилось и в современной России, не изменив вектора разногласий. Контрапунктность современной социально-гуманитарной мысли отража-

ет ту же проблематику в ее исключительном противоречии и противопоставлении одной концепции развития страны другой. Вопрос и сегодня звучит без изменений: куда двигаться России?

Западники, выступающие в роли современных либерал-демократов, предлагают использовать европейские лекала для построения общего российско-европейского дома. Этот дом начали быстро и без особых мудрствований возводить еще в 1990-е годы. И к 2000-м годам сломали, например, стройную, организационно оформленную в советское время систему высшей школы, введя Болонскую модель образования (две ступени «бакалавр–магистр»). Однако вскоре эта концепция утратила перспективы, поскольку развитие отношений между Россией и Западом приостановлено на весьма неопределенный срок. Западные ориентиры были отринуты, также весьма невнятной оказалась новая модель современного образования. Еще во второй половине 1990-х годов ученые В. В. Ильин, А. С. Панарин и А. С. Ахиезер писали: «Путь вестернизации не объединяет, а разъединяет всех. Неудачники образуют большинство. Меньшинство — маргиналы культуры. Внизу вестернизация рождает пролетариев, вверху — нигилистов. <...> Вестернизация, накрывшая Россию, дала результаты: деморализация, денационализация, предельная популяризация»⁵.

Славянофилы в лице современных национал-патриотов ратуют за развитие России за счет внутренних экономических, социальных, интеллектуальных, культурных, национальных ресурсов и связывают ее будущее с ее имперскими ареалами и устремлениями. Один из ярких представителей современного славянофильства — писатель и общественный деятель А. А. Проханов — в частности, пишет: «Русская история — это история русских империй. Россия как цивилизация всегда формировалась и складывалась в имперские периоды. Под империей надо понимать не обязательное существование метрополии или колонии, необязательное существование императоров, централиста, под империей надо понимать симфонию, гармоническое соединение пространств, народов, культур, верований. Когда достигается то, чего отдельно взятый народ достичь не может. Имперская общность порождает грандиозные школы, произведения искусств, лидеров. Цивилизация движется империями»⁶.

Возникает вопрос: почему развитие России должно протекать в условиях крайностей — либо западничество, либо славянофильство? Почему евразийство не может стать срединной идеей? К сожалению, идея евразийства, возникшая в искусственных условиях русского зарубежья в 1920-х годах, не может в полной мере отразить сложную культурную конструкцию России в ее реальных целеполаганиях, в том числе вне политического контекста. Сегодня евразийство также с большим трудом взращивает ростки евразийских идей.

Россия будет искать ответы на заданные вопросы до тех пор, пока не осознает своей цели как результа-

¹ Чаадаев П. Я. Статьи и письма / сост., вступ. ст. и коммент. Б. Н. Тарасова. 2-е изд., доп. М., 1989. С. 44.

² Там же. С. 47.

³ Из русской мысли о России / авт.-сост. И. Т. Янин. Калининград, 2002. С. 432–433.

⁴ Анненков П. В. Замечательное десятилетие. 1838–1848 // Анненков П. В. Литературные воспоминания / вступ. ст. В. И. Кулешова. М., 1989. С. 266.

⁵ Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса. М., 1996. С. 265, 320.

⁶ [www/nakanune.ru/articles/17854](http://nakanune.ru/articles/17854)

та этих поисков. Ее умственная энергия будет связана с контрапунктными процессами противопоставления одной идеи другой. Хотя еще в 1847 году В. Г. Белинский говорил о «нелепости противопоставлять национальность общечеловеческому развитию, как будто эти

явления непременно должны исключать друг друга, между тем как, в сущности, они постоянно совпадают. Общечеловеческое развитие не может выражаться иначе, как чрез посредство той или другой народности, оба термина даже и немислимы один без другого»¹.

---

¹ Анненков П. В. Указ. соч. С. 259.